

Подстрочник

Подстрочник

Жизнь Лилианны Лунгиной,
рассказанная ею
в фильме Олега Дормана

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д68

Издательство выражает благодарность *Наталье Кисловой*
за помощь при подготовке книги.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО
На обложке: кадр из фильма ОЛЕГА ДОРМАНА “ПОДСТРОЧНИК”

Дорман, Олег.

Д68 Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана / ОЛЕГ ДОРМАН. — Москва : АСТ : CORPUS, 2015. — 383, [1] с.

ISBN 978-5-17-061273-4

Лилианна Лунгина — прославленный мастер литературного перевода. Благодаря ей русские читатели узнали “Малыша и Карлсона” и “Пеппи Длинныйчулок” Астрид Линдгрэн, романы Гамсуна, Стриндберга, Бёля, Сименона, Виана, Ажара. В детстве она жила во Франции, Палестине, Германии, а в начале тридцатых годов тринадцатилетней девочкой вернулась на родину, в СССР.

Жизнь этой удивительной женщины глубоко выразила двадцатый век. В ее захватывающем устном романе соединились хроника драматической эпохи и исповедальный рассказ о жизни души. М.Цветаева, В.Некрасов, Д.Самойлов, А.Твардовский, А.Солженицын, В.Шаламов, Е.Евтушенко, Н.Хрущев, А.Синявский, И.Бродский, А.Линдгрэн — вот лишь некоторые, самые известные герои ее повествования, далекие и близкие спутники ее жизни, которую она согласилась рассказать перед камерой в документальном фильме Олега Дормана.

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-061273-4

- © О. Дорман, 2009
- © Л. Парфенов, предисловие, 2009
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2009
- © ООО “Издательство Астрель”, 2010
Издательство CORPUS ®

Леонид Парфенов

Увидеть раз и навсегда

“Подстрочник” не нуждается в подстрочнике. В предисловии, толкованиях и примечаниях. Но он — “устная книга”, расшифровка рассказа на телекамеру для одноименного фильма. Вот про это обстоятельство, может, и стоит сказать особо, ведь читатель книги имеет возможность увидеть-услышать первоисточник в интернете.

Думаю, монологи Лилианны Лунгиной — самый удивительный синхрон (так именуют речь, синхронизированную с “картинкой”) в истории отечественного телевидения. Параллели, сразу проходящие на ум: Ираклий Андроников и Юрий Лотман. Но одного снимали с его эстрадными номерами, а другого — с лекциями. У них устная речь, которая была письменной, да и став устной, шлифовалась предыдущими произнесениями. Лилианна Лунгина все говорит впервые. Просто задавая себе тему: сейчас я расскажу про себя в Берлине, а сейчас — про школу, а сейчас — как познакомилась с будущим мужем.

Но эти неподготовленные тексты, во-первых, произнесены с тем “техническим” качеством — без слов-паразитов, без “э-э-э”, без повторов, длиннот, пробуксовок и резюме типа “я что этим хочу сказать?”, — которое само по себе нынче абсолютно исключительно.

Во-вторых, эти мысли вслух рождаются сейчас, в момент произнесения, и задают ритм речи, который, завораживая, держит, не отпуская. Когда, объясняя про помощь диссидентам, Лунгина, чуть помедлив, говорит “вот точное я слово нашла: это именно унижение — не сместь протянуть руку”, — она выводит на наших глазах словесную формулу как жизненный урок. В богатство и точность ее русского, конечно, “вложились” второй, третий, четвертый родные языки — немецкий, французский, шведский. Ведь и “Карлсона” Лунгина не про-

сто перевела, а создала по-русски, придумав ему все эти “красивый, в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил” и прочее. Десятилетия в поисках соответствий и синонимов шлифовали словесную оснастку. А бесстрашная точность душевной памяти к ней даже не прибавилась — они перемножены.

Семидесятисемилетняя женщина знает, что в три года она почувствовала себя отдельным существом. Всю жизнь бережет фразу, выражающую папин характер: “... как хорошо бы, чтобы он запел”. Ясно помнит парижский праздник для детей, который открыл ей социальное неравенство. Навсегда решает, что нельзя жить в Тель-Авиве, раз бабушка не смеет провожать ее на пароход в субботу. Свежи незабываемые эпизоды — это одно. Увоенный полвека и более назад опыт Лилианна Лунгина способна, не подправляя задним числом, выразить сейчас, но видя события тогдашними глазами. Вот посмотрит чуть поверх объектива, рассказав про первый конвой у пересыльной тюрьмы, и добавит: “... хотя тебе двадцать один год, больше не хочется жить”. Она знает за собой обыкновение искать среди подружек сыновей дочку — раз своей Бог не дал. Понимает, как сталинское “Жить стало лучше, жить стало веселее” разрешило в СССР частную жизнь. Для нее официозный критик — “растленный литературовед”. После полувека замужества она, уже вдова, определит чужие счастливые браки серьезными, а свой — счастливым веселым. Пока не услышишь — не поверишь, будто такой русский язык еще жив.

На обычный телепродюсерский взгляд, решение канала “Россия” — показывать монолог Лунгиной четыре вечера подряд — акция рискованная. Мол, вы ж понимаете, как отнесутся ширнармассы к поучениям старой еврейки. Хотя, по-моему, даже самая забубенная жертва национальных стереотипов через две минуты такой речи перестает замечать прононс и картавость. Как не думают же про Лотмана — еврей, а про Андроникова — грузин. Но Лилианна Зиновьевна много говорит про свое еврейство — с момента его вынужденного осознания, со второй половины 40-х. А до того обращают на себя внимание списки фамилий учеников в школе и студентов в ИФЛИ. Последние поэты-романтики советского строя, они ушли добровольцами на фронт, — Кауфман, Коган, Багрицкий. Выживет только Кауфман и после войны должен будет стать Самойловым. Сама Лунгина, сызмальства европеизированная, советским человеком не стала даже в юности. Зато весь ее круг друзей прошел путь от еврейской горячности в русском большевизме к еврейской горячности в русском диссидентстве. Разные меры большевизма и диссидентства, но путь этот — из важнейших в общественной жизни страны в XX веке. Даже если кто и сочтет

явно некоренные внешность и выговор эфирно уязвимыми, это все сказать за всех — включая дворянина Виктора Некрасова — могла только она. Подтвердив истину, что нет уже евреев — есть русское городское население.

Семену и Лилианне Лунгиным, конечно, повезло. “Лица творческих профессий” — почти единственные в СССР хозяева своей судьбы. Киносценарии и переводы, по тогдашним меркам, оплачивались очень хорошо. Борьба с космополитизмом продолжалась 6 лет, а не 60, как колхозы в деревне домработницы Моти. А растленных тварей власть рекрутировала себе на службу отовсюду, не только из интеллигентов. И если существовала советская элита, то творческая и научная. Только у них оставалось известное “самостояние”, некоторая служебная и материальная независимость. В мире сплошных назначенцев по анкетным данным там по-прежнему много значили дар Божий и работа. И наследие лучших деятелей — единственный безусловный вклад послевоенных десятилетий в национальную цивилизацию: не советская культура, а русская культура советского периода.

Хранительница традиций, Лунгина выглядит на экране будто революционной бабушкой. Это же счастье — быть у такой внучком: у нее чемодан со старыми куклами на антресолях, она переводит сказки и дружит со сказочниками, читает уйму смешных стишков наизусть и раскатисто отвечает по-французски, когда вдруг длинно, по-международному, зазвонит телефон. Фильм и книга вышли через двенадцать лет после смерти героини. Но прожив с ней длину ее рассказа, живешь дальше, зная эту бабушку лично.

Олег Дорман

Предисловие

Эта книга представляет собой запись устного рассказа Лилианны Зиновьевны Лунгиной о своей жизни, сделанную по многосерийному документальному фильму “Подстрочник”. Я внес самую незначительную правку, обычную при публикации стенограмм, и добавил те части рассказа, которые не смогли по разным причинам войти в фильм, так что книга стала больше почти на треть.

Лилианна Лунгина (1920–1998) — прославленная литературная переводчица, в ее переводах русские читатели узнали “Мальша и Карлсона” и “Пеппи Длинныйчулок”, романы Гамсуна, Стриндберга, Фриша, Бёлля, Энде, Колетт, Дюма, Сименона, Виана, Гари. Она переводила пьесы Шиллера, Гауптмана, Ибсена, сказки Гофмана и Андерсена.

В самом начале девяностых годов во Франции вышла книга воспоминаний Лилианны Лунгиной “Les saisons de Moscou” (“Московские сезоны”): она стала бестселлером и, по опросу, традиционно проводимому журналом “Elle”, была названа французскими читателями лучшей документальной книгой года. Однако выпускать свою книгу в России Лунгина решительно не захотела. Она считала, что для соотечественников следует написать ее иначе, заново, с первой до последней строки. Со своими, объясняла она, можно и нужно говорить о том, чего не поймут посторонние.

И однажды согласилась предпринять этот труд перед телекамерой. Думаю, французская книга стала просто черновиком ее многодневного рассказа. В феврале девяносто седьмого года на протяжении недели мы с оператором Вадимом Ивановичем Юсовым и небольшой съемочной группой каждое утро приезжали в дом Лунгиных на Новинском бульваре, чтобы услышать и снять устный роман, который должен был потом превратиться в фильм “Подстрочник”.

Долгая жизнь Лилианны Лунгиной прошла через разные страны и удивительно глубоко и ясно выразила двадцатый век. Век, который подтвердил, что нет жизни всех — есть жизнь одного человека. Что только один в поле и воин; что он сам и поле. Что человек — не игрушка обстоятельств, не жертва жизни, а неиссякаемый и потому неуязвимый источник добра.

Мало кому на свете достается счастье встретить таких людей, какими были Лилианна Зиновьевна и ее муж, знаменитый драматург Семен Львович Лунгин. А ведь, вероятно, другие люди — самое важное в нашей жизни. По другим людям мы судим о жизни, о том, чем способен быть человек, какой может быть любовь, верность, храбрость и правда ли то, что пишут в книжках.

Мне посчастливилось знать и любить их. Для меня честь представить эту книгу вам.

Слова благодарности

Хочу выразить признательность за неоценимую помощь в работе над книгой:

семье Лунгиных, Людмиле Голубкиной, Борису и Марине Золотухиным, Наталье Мавлевич, Инне Туманян, Роману Рудницкому, Марку Аронову, Феликсу Дектору, Ирине Мартыновой, Арине Истратовой, Ксении Старосельской, Анатолию Черняеву, Льву Безыменскому, семье Линдгрэн, Жан-Пьеру Вернану, Кристин Лютц, Ляле, Нате и Зине Минор, Анне Гришиной, Нине Рубашовой, Георгию Кнабе, Батрисе Олькиной, Наталье Мусиенко, Татьяне Соловьевой, Варе и Кириллу Арбузовым, Исаю Кузнецову, Инне Барсовой, Алле Черновой, Юлиане Ильзен, Нозми Гребневой, Евгению Аграновичу, Елене Ржевской, Галине Медведевой, Александру Кауфману, Александру и Галине Брагинским, Дмитрию Гутову, Ирине Сиротинской, Флоре Литвиновой, Галине и Владимиру Новохатко, Алле и Игорю Золотовым, Борису Левинсону, Наталье Цой, Юлии Ароновой, Дмитрию Шеварову, Юлию Лурье, Андрею Хржановскому, Маргарите Шабуровой, Марии Бубновой, Дмитрию и Максиму Голландам, Фрее фон Саун, Геннадиию Фадееву, Светлане Новиковой, Рэне Яловецкой, Анне и Ивану Кузиным.

Посольству Франции в России и лично Кристин Вержеад, Игорю Сокологорскому и Дарье Аполлоновой;

посольству Германии в России и лично Забине Хофманн;
посольству Швеции в России и лично Марианне Хультберг, Кристи-
тине Йоханнесон, Марии Веденяпиной;
лицею Виктора Дюрюи в Париже;
мэрии Сен-Жан-де-Люза.

Полтавскому краеведческому музею и лично Людмиле Николаенко;
Краеведческому музею Набережных Челнов и лично Зульфиге и
Мансуру Сафиним, а также Леониду Горбунову;
Мосгорархиву и лично Лидии Наумовой;
Международному обществу “Мемориал” и лично Алене Козловой
и Александру Даниэлю;
Музею и общественному центру имени А.Сахарова и лично Татья-
не Громовой и Петеру Рэддвэю;
Дому-музею Марины Цветаевой и лично Надежде Катаевой-Лыт-
киной, Наталье Громовой и Эсфирь Красовской;
московской школе № 204 имени М.Горького и лично Галине Кли-
менко;
издательству “Азбука” и лично Денису Веселову;
Российской государственной библиотеке и лично Ивану Сербину;
газете “Известия” и лично Людмиле Комлевой и Борису Пастернаку;
друзьям и ученикам Лилианны и Семена Лунгиных;
Варе Горностаевой, Сергею Пархоменко, Григорию Чхартишвили,
Леониду Парфенову, Олегу Добродееву, Сергею Шумакову, без
энтузиазма и помощи которых фильм “Подстрочник” не был бы
показан в эфире,
а также Людмиле и Инне Бирчанским и Екатерине Дорман.

Олег Дорман

Подстрочник

Меня зовут Лиля Лунгина. С пяти до десяти лет, когда я жила в Германии, меня звали Лили Маркович. Потом с десяти до четырнадцати лет во Франции меня звали Лили Маркови́ч. А когда я играла в мамином кукольном театре, меня звали Лили́ Имали́. Имали — это мамин псевдоним, древнееврейское слово, которое значит “моя мама”. Вот столько у меня было разных имен. И столько же было разных школ. Я училась, подсчитала как-то, в двенадцати школах. Но вот за эту долгую жизнь — мне шестнадцатого июня (девяносто седьмого года. — *О.Д.*) будет семьдесят семь лет, даже подумать страшно, никогда не думала, что можно дожить до такого возраста, — я так и не научилась называть себя по имени-отчеству. Это, наверное, черта нашего поколения, мы как-то очень долго ощущали себя юными, и всё по именам, всё на “ты”.

Но тем не менее семьдесят семь лет — это очень много, и пора подводить итоги. И не предварительные итоги, как назвал мой муж Сима¹ последнюю часть своей книж-

1 Семен Львович Лунгин (1920–1996), драматург. Автор сценариев “Мичман Панин”, “Тучи на Борском”, “Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен”, “Внимание, черепаха!”, “Телеграмма”, “Жил певчий дрозд”, “Агония” (все — в соавторстве с И.Нусиновым), “Мальчик и лось”, “Розыгрыш”, “Трое в